

П. В. Шувалов

ИЗОБРЕТЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ (ПО ПОВОДУ КНИГИ ФЛОРИНА КУРТЫ)

ПРОБЛЕМА

Вопрос о происхождении славян, как и любая серьезная историческая проблема, может быть решен лишь на стыке различных дисциплин — письменной истории, археологии, лингвистики. И проблема тут, как всегда, состоит не столько в анализе материала и его интерпретации, сколько в соотношении между собой результатов исследования источников разными методами. Действительно, трудно ответить, как соотносить, допустим, данные археологии и лингвистики? Это проблема междисциплинарного синтеза.

Сам же вопрос о славянском этногенезе — откуда и когда появились те, кто затем называются славянами — на настоящий момент может уже считаться решенным в общих чертах на материале археологии¹. Письменные же источники были детально проработаны в не имеющем себе равных труде, созданном под руководством Л. А. Гиндина и Г. Г. Литаврина², авторы которого, правда, воздержались от выработки какой-либо суммарной концепции.

Ясно, что настало время строить обобщающую модель, которая бы включила в себя как археологию (с полным пониманием ее дисциплинарной специфики), лингвистику, так и письменные источники. Однако в общих чертах уже и сейчас очевидно, что этногенез славянства связан с лесными культурами римского времени, (балто-)праславянские носители которых вышли на плодородные территории лесостепи после гуннского погрома конца IV века. Оттуда, воспользовавшись конкретной исторической

¹ Шукин М. Б. Рождение славян // Стратум: Структуры и катастрофы: Сб. символической индоевропейской истории: Археология, источниковедение, лингвистика, философия истории. СПб., 1997. С. 110–147.

² Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I–VI вв.) / Сост. Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин. М., 1994; Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII–IX вв.) / Сост. С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин. М., 1995.

ситуацией, они медленно заняли все территории, оставленные на протяжении V–VI вв. германцами. Активные контакты с позднеримским и кочевым мирами стимулировали быстрое духовное и социально-политическое развитие раннего славянства и привели к завершению славянского этногенеза в зоне, контактной с империей.

Эта модель в своей основе восходит к эпохальной работе 1976 г. М. А. Тихановой и Д. А. Мачинского³ — двух археологов петербургской школы. Она была разработана в деталях на двух питерских семинарах — университетском междисциплинарном семинаре Г. С. Лебедева и А. С. Герда⁴ и на домашнем семинаре М. Б. Щукина. Существенную роль в развитии этой модели сыграли работы многих исследователей (И. Вернера, К. Голдковского, И. П. Русановой, М. Парчевского, Е. Горюнова и их учеников).

Остается ли эта проблема проблемой? Можно с уверенностью сказать, что остается для тех, кто не знаком с работами вышеуказанных исследователей.

Книга, которую талантливый американский археолог румынского происхождения Флорин Курта писал на протяжении более 10 лет, вышла в 2001 г. в британском кембриджском издательстве. Поначалу я собирался написать небольшую рецензию на этот труд, однако после знакомства с текстом⁵ стало ясно, что исследование весьма объемно и затронуло слишком многие темы, чтобы отреагировать ординарным отзывом. Тогда возникла идея написания отклика с моей коллегой О. А. Щегловой и нашим учителем М. Б. Щукиным совместно. Задача оказалась трудоемкой. Потом мне пришлось сменить работу, тему, дом. Умер Марк Борисович Щукин. А тем временем книга стала известной, и на нее начали ссылаться даже те, кто не является специалистом в данной области.

Среди же специалистов (в первую очередь археологов) работа вызвала скептическое отношение. Причин тому множество: слишком широкий охват проблем без детальной аргументации; отсутствие убедительного анализа материала, как археологического и нумизматического, так и письменных текстов; запутанность формулировок, например ИЗОБРЕТЕНИЕ СЛАВЯН (...the Slavs were an invention of the sixth century⁶), метод «выдергивания» нужных аргументов из всей массы фактов; отсутствие детального разбора использованных работ предшественников; незнание большинства работ археологов петербургской школы (например, работ М. Б. Щукина, Д. А. Мачинского, О. А. Щегловой).

Но не это главное. Главное — это концепция славянского этногенеза, вышедшая из-под пера автора. Работа Ф. Курты носит не столько обобщающий характер (такие работы потом становятся своего рода удобным справочником по теме), сколько концептуально-инновационный. Ф. Курта, суммировав многие достижения своих предшественников и использовав то, что уже «носилось в воздухе», не остановился на обобщении достигнутых наукой успехов. Он попытался единым махом разрубить гордиев

³ Мачинский Д. А., Тиханова М. А. О местах обитания и направлениях движения славян I–VII вв. н. э. (по письменным и археологическим источникам) // *Acta Archaeologica Carpathica*. Т. 16. Kraków. 1976. S. 59–94.

⁴ Основные результаты исследований опубликованы в сборнике: *Славяне: Этногенез и этническая история: (Междисциплинарные исследования)* / Ред. А. С. Герд, Г. С. Лебедев. Л., 1989.

⁵ На готовящуюся работу Флорина Курты обратил мое внимание еще в 1987 г. мой покойный друг Георге Поенару-Бордя (*Poenaru-Bordea*), а потом Хервинг Вольфрам познакомил меня с автором книги в Вене в январе 2003 г. на международном workshop *Slawische Ursprünge / Slavic Origins*, организованном Институтом австрийских исторических исследований Австрийской академии наук. Затем автор помог мне получить издательства экземпляр книги для работы. Спешу выразить Флорину Курте мою искреннюю благодарность.

⁶ *Curta F.* *The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700*. Cambridge: New York. 2001. P. 335.

узел раннего славянства, затянутый на шее этногенеза не только румын и влахов, но и других «автохтонных» балканских народов (албанцев и новогреков). Может быть, поэтому лейтмотивом его работы становится соотношение миграции и аборигенности в раннем славянстве.

Итак, Ф. Курта пытается решить уже практически решенную проблему: ему не ясно, как и откуда взялись славяне в Подунавье в VI веке. И он решает эту проблему по-своему элегантно: славян до этого просто НЕ БЫЛО, и главное — ИХ ПРИДУМАЛИ ХИТРЫЕ ВИЗАНТИЙЦЫ. Попытаемся разобраться в построениях Ф. Курты, не придерживаясь заранее каких-то определенных догм и установок. В общих чертах его концепция сводится к следующему.

СИЛА СТИЛЯ И СЛОВА

Во второй половине VI в. в варварском обществе левобережья Нижнего Дуная быстро развиваются процессы социальной стратификации и выделяется слой военных вождей — бигменов. Эта новая верхушка использует для укрепления своей власти какие-то неведомые нам сейчас институты наподобие потлача, вокруг которых происходит формирование новой системы ценностей. Под влиянием престижного окружения соседних германских королей и вождей кочевников большое значение в этих соревновательных структурах среди будущих славян приобретают знаки социального положения — а именно серебряные женские фибулы и другие элементы женского наряда определенного стиля. Женщины становятся «движителем конструирования социальной идентичности»⁷. А стиль и агональность окружения бигменов и формируют славянские Склавинии. Полито- и социогенез тут идут параллельно с этногенезом.

При этом важно не то, какие предметы были специфичны именно для славян. По мнению Ф. Курты, таковых не было вообще: славяне просто заимствовали или воспроизводили престижные вещи соседей. Важно, какие предметы, попадая в сферу влияния зарождающегося славянства, становились знаками престижности и статусности, и на основе которых и формировалась система культурных и этнических ценностей славян. Эти процессы отразили становление раннеславянской социальной элиты. Славяне не потому вышли на мировую арену как славяне, что говорили на славянском языке и осознавали себя славянами, выйдя из дремучих лесов и болот, а потому, что разношерстное население сконденсировалось вокруг центров власти, «метафорически» «цитировавших» (подражавших и копировавших) престижные властные центры более могущественных соседей — гепидов, авар, гуннов и булгар.

Основной формой общественной организации славян была система сегментированных линиджей⁸. Те, кого византийские авторы называли «славянами», возникли в Прикарпатье и Нижнем Подунавье под влиянием соседей, а не мигрировали туда с севера. По словам американского исследователя, «археологические культуры не мигрируют»⁹. Тут Курта ссылается на работы англоязычных антропологов (Д. Энтони, И. Роуз), которые, однако, скорее как раз выступали против излишнего скепсиса в этом вопросе.

⁷ Ibid. P. 309.

⁸ Ibid. P. 319 sqq. — Ср. сходную идею, высказанную в более ранней работе: Шувалов П. В. Славянское общество дунайского периода 469–604 гг. // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб., 1991. С. 35.

⁹ Curta F. Op. cit. P. 307.

А между тем миграции в археологии — чрезвычайно сложная проблема, которая не может быть описана одной фразой (см. подробный разбор этого аспекта у Л. С. Клейна¹⁰).

Несмотря на этот, казалось бы, очевидный для профессиональных археологов факт, Ф. Курта последовательно лишает праславян возможности мигрировать с севера. У него славянство как бы самозарождается в карпато-дунайских землях под сенью ауры бигменов, копирующих престижный стиль элитарной культуры соседей. Это, пожалуй, и есть сердце концепции Ф. Курты, его главное достижение в разработке моделей славянского этногенеза, но вместе с тем и самое слабое место этой концепции (см. ниже).

Вместо славян распространяется их язык (остается, правда, неясным откуда?). Он распространяется как *lingua franca*¹¹. Но даже и язык не сыграл важной роли в этногенезе славян: «Славяне стали славянами не потому, что они говорили по-славянски, но потому, что они были называемы так другими», т. е. византийцами¹².

Зарождавшееся таким странным, почти магическим (сила греческого слова!) образом славянство некоторое время соседствовало с империей, частично находилось под властью Аварского каганата, и ограничивало свою внешнюю активность грабительскими набегами на Балканы. Затем, в начале правления Ираклия — когда оборона на Нижнем Дунае окончательно развалится — славяне массами переселяются через Дунай. Славяне не сокращали византийскую оборону на Дунае, но и не просачивались мирно сквозь систему укреплений Дунайского лимеса. Они пришли на Балканы уже после того, как лимеса не стало.

КОНЕЦ ЛИМЕСА

Одним из важных положений в схеме Ф. Курты является тезис об экономическом разорении сельских территорий Балкан в результате строительства империей сотен крепостей: план императора Юстиниана (527–565) по созданию на территории северной части Балкан эшелонированной обороны, по мнению Ф. Курты, оказался не по силам администрации, финансам и экономике империи. Иначе говоря, Восточная империя и ее дунайская оборона развалились из-за необдуманной гигантомании Юстиниана.

Есть общее замечание к этому тезису Ф. Курты о строительстве Юстиниана как причине экономического кризиса: если строили — то, значит, было от кого обороняться! Иначе говоря, угроза была реальной и серьезной, требовавшей адекватных действий. Конечно, Юстиниан мог и через край хватить, но так, чтобы экономика после этого затрещала?.. Не исключено, что Ф. Курта тут просто невольно модернизирует прошлое VI в. в духе истории некоторых коммунистических режимов XX века. Более того, пока не произведены хотя бы примерные подсчеты затрат на строительство и не проведено сравнение с общим бюджетом империи, находившимся после Анастасия в прекрасном состоянии, говорить о чрезвычайной дороговизне строительства рано.

Прямое проявление экономического кризиса Ф. Курта видит в массовой тезаврации монет в середине и во второй четверти VI века. Традиционно эти клады расценивались как свидетельства военных потрясений, захлестнувших Балканы в эту эпоху. Ф. Курта пытается полностью дезавуировать эту интерпретацию, проведя ряд статистическо-нумизматических подсчетов¹³.

¹⁰ Клейн Л. С. Миграция: Археологические признаки // *Stratum plus*. 1999. № 1. С. 52–71.

¹¹ *Curta F.* Op. cit. P. 345.

¹² *Ibid.* P. 346.

¹³ В книге Ф. Курты этой теме посвящен небольшой раздел. Более подробный текст содержится в статье: *Curta F.* Invasion or inflation? Sixth- to seventh-century Byzantine coin hoards in Eastern and Southeastern Europe //

Сразу же следует указать на непрофессионализм его построений, основанных на изучении монет эпохи бронзы. Ф. Курта не анализирует структуру монетного обращения в каждый конкретный момент (для этого надо было бы сделать сериацию кладов¹⁴) и не учитывает тот безусловный факт, что в обращении одновременно были монеты разных периодов чеканки: например, при Юстине II (565–578) обращались практически все типы медных монет, чеканенных с 507 года. В результате, исследователь фактически любой клад неоднородного состава считает кладом длительного накопления¹⁵, что методологически и логически абсурдно. В итоге также оказываются лишены смысла карты распределения монет по императорам, так как бронзовые монеты разных периодов, разнесенные им по разным картам, на самом деле сосуществовали друг с другом, например Юстина I и Юстина II¹⁶.

Ф. Курта считает, что неимоверные затраты на фортификационное строительство и на содержание войск привели к обесцениванию денег, а это привело к тому, что их перестали вводить в обращение обратно из тезаврированных сокровищ, так как монета уже потеряла свою стоимость. В качестве аналогии тут можно было бы привести клады III в., тезаврация которых была следствием как инфляции, так и войн. Но здесь не все просто. Стоит указать на то, что фоллис (полуфоллис и т. д.), в отличие от изначально серебряных денариев III в., ставших за 50 лет кризиса бронзовыми монетами, как кусок бронзы в любом случае сохранял свою металлическую ценность. Во-вторых, тезис об инфляции, к сожалению, Ф. Курта не подтвердил анализом курса AV: AR: AE и эволюцией веса фоллиса на протяжении VI в., что могло бы уточнить многие положения Ф. Курты. Например, очевидно, что полная потеря веса медной монетой произойдет только к середине VII в., а на протяжении 498–624 гг. вес основной медной монеты фоллиса сначала увеличится в 2,5 раза, а потом снова вернется к начальному (т. е. около 9 г).

Так что говорить о потере медной монетой физической стоимости (стоимости металла) не приходится. Ясно, однако, что позднеантичная монета имела номинал, часто превышавший ее физическую стоимость. Тем не менее очевидно, что вряд ли большие клады были просто «забыты» хозяином из-за того, что стоимость денег сильно обесценилась. Действительно, трудно представить, что были забыты такие клады, как, например, Грнчар 541 г. (89 фоллисов и полуфоллисов, 1 тремисс в горшке), Анадолюкьёй 545 г. (383 монеты общим весом 1,5 кг в горшке), Селце 551 г. (около 600 монет в деревянной шкатулке в тайнике), Прахово 538/565 г. (603 монеты), Фасос 571 г. (119 фоллисов и полуфоллисов). А таких кладов десятки! Тем более что есть и серия кладов, прямо происходящих из слоев разрушений (Козьяк, Садовско-кале, Големаново-кале).

Кроме того, Ф. Курта выдвигает следующее положение: если в мирное время происходит тезаврация кладов, то ее причины лежат в области экономики. Так, наличие кладов периода Юстина II (565–578) на фоне отсутствия в письменных источниках упо-

Annali dell'Istituto Italiano di Numismatica. 1996. Nr 43. P. 65–224. — Спешу выразить искреннюю благодарность Флорину Курте за предоставление мне электронного текста этой статьи.

¹⁴ Как, например, делается в работах семинара М. Р. Альфельди, опубликованных в серии *Studien zu Fundmünzen der Antike* (например, *Noeske H.-Chr. Münzfunde aus Ägypten I: Die Münzfunde des agyptischen Pilgerzentrums Abu Mina und die Verleichsfunde aus den Diocesen Aegyptus und Oriens vom 4.–8. Jh. n. Chr. (Studien zu Fundmünzen der Antike. Bd 12)*. Berlin, 2000; *Backendorf D. Romische Münzschatze des zweiten und ersten Jahrhunderts v. Chr. vom Italienischen Festland (Studien zu Fundmünzen der Antike. Bd 13)*. Berlin, 1998), или хотя бы в известной Ф. Курте моей работе: *Шувалов П. В. Этнокультурные процессы на территории Днестро-Дунайского междуречья в сер. I тыс. н. э.: Дис. ... канд. ист. наук*. Л., 1989.

¹⁵ *Curta F. The Making of the Slavs...* P. 173.

¹⁶ *Ibid.* P. 179–180.

минаний о варварских вторжениях, Ф. Курта считает достаточным доказательством того, что тезаврация этих кладов произошла не *ob metum barbarorum*, а в силу *custodiae causa*¹⁷. Но ведь внешнеполитические события этого периода практически не освещены источниками (Менандр дошел лишь в отрывках о посольствах), и мы можем лишь догадываться, что там происходило. Следовательно, не исключено, что в эти годы могли произойти вторжения, оставшиеся для нас неизвестными, но отразившиеся в двух горизонтах кладов — около 571 и 575 года.

В построении Ф. Курты важным пунктом является наблюдение, что многие позднеантичные укрепления на Балканах были покинуты обитателями: на них нет следов разрушений и насилия¹⁸. На этом он строит главный вывод, что лимес не был разгромлен варварами, но лишь медленно затух в правление Ираклия в результате развала системы поставок анноны и донативов. Последний тезис не вызывает протеста, однако ясно, что этому затуханию предшествовала серия погромов, произведенных на укреплениях лимеса (Садовско-кале, Ятрус, Тропей, Истрия, Ульмет) аварами, о чем неоднократно говорит и сам Ф. Курта. Кроме того, на ряде укреплений есть и горелые слои с монетами середины VI в., иногда достоверно перекрытые слоями с монетами конца VI в. (Истрия 543/592 г. соответственно, Суцидава 540/599, Нови 542/575 и 542/583, а также Диногедия 546/572 и Ульмет 545/583 гг. с не до конца ясной стратиграфией), т. е. как раз времени славянских и куригурских набегов, на что уже давно указано в работах, известных Ф. Курте¹⁹.

Несомненно, такие глобальные заключения, как построение хронологии горизонтов разрушений на городищах, требуют специального исследования на археологическом материале с детальным разбором стратиграфии и хронологических индикаторов. Без этого у исследователя есть только отдельные факты. И вот именно такого исследования в работе Ф. Курты нет, а есть только обзор опубликованного другими исследователями археологического материала с позднеантичных укреплений Балкан. Более того, очевидно, что при вражеском погроме часть укреплений могла быть заброшена добровольно сбежавшими гарнизонами. Следовательно, тезис Ф. Курты о мирном запустении укреплений оборонительной системы Балкан в результате административно-экономической разлухи является не более чем интересной гипотезой.

Впрочем, читателю остается до конца не ясным, какую роль тезис об экономическом затухании лимеса играет во всей модели славянского этногенеза у Ф. Курты. Не исключено, что образ мощной укрепленной границы, сметенной волной северных варваров-славян, претит ему, так как требует признания некой мощи и силы за этими северными, неизвестно откуда взявшимися варварами.

ИЗОБРЕТЕНИЕ

В реконструкции Ф. Куртой политических событий на Балканах по письменным источникам почти ничего не вызывает протеста, кроме лишь двух заключений.

Автор почему-то категорически отказывается верить письменным источникам в вопросе о численности славян — участников вторжения в 578–586 гг. (Менандр и автор «Чудес св. Димитрия» упоминают 100 000 славян). При этом 60 000 аварских

¹⁷ Ibid. P. 170 sqq.

¹⁸ Ibid. P. 189.

¹⁹ Шувалов П. В. 1) Этнокультурные процессы...; 2) Северо-восток Балкан в V–VI вв.: Города лимеса и варварские вторжения // Из истории Византии и византистики. Л., 1991. С. 39–47.

всадников его ничуть не смущают²⁰. Конечно, ясно, что один такой отряд в 100 000 воинов вряд ли был способен продвинуться в глубь территории Балкан, однако ничто не мешает принять гипотезу, что тут суммированы округленные данные о численности нескольких отрядов, орудовавших на Балканах. Курта не видит такого объяснения и, более того, пишет, что славяне «...численно... уступали римлянам»²¹, никак не аргументируя свою позицию. Видимо, для Ф. Курты малочисленность славян является аксиомой. *De gustibus non est disputandum*.

Более того, ясно, что, с его точки зрения, славян было не только МАЛО, но и звались они ИНАЧЕ, да и не были славянами. Действительно, разбирая разные названия славянских племен, Ф. Курта указывает, что, несмотря на разные имена, они *все* называются в византийских источниках *склавины*, из чего он тут же делает неожиданное заключение, что *склавины* было лишь обобщающим для всех этих племен именем (*an umbrella-term*)²². А вслед за этим пишет буквально следующее: «Это все доказывает, по моему мнению, что имя “склаvene” (sic!) было просто византийским изобретением (*construct*), призванным придать смысл (*to make sense*) сложной конфигурации этносов на другой стороне северной границы империи». Далее, правда, он спохватывается и делает оговорку: «Не исключено (*it might be*), что “склаvene” было изначально самоназванием какой-то этнической группы (*a particular ethnic group*)». Но тут же заключает главу следующей фразой: «Однако в своем прямом смысле (*in its strictly defined sense*) “славянская этничность” — это византийское изобретение (*invention*)»²³!

В конце книги Ф. Курта пишет, что первым прямым свидетельством о том, что славяне называют себя славянами, является «Повесть временных лет»²⁴. И тут у непросвещенного читателя может возникнуть соблазн предположить, что по мнению Курты, самоназванием слово «славяне» стало только с легкой руки Нестора! Но такого Ф. Курта нигде прямо не пишет — это противоречило бы известному месту из Феофилакты Симокатты, где три варвара-посла, встреченные людьми императора Маврикия около города Цурула примерно в 591 г., на вопрос самого императора, какого они племени (*τί τὸ ἔθνος αὐτῶν*) и где живут, отвечали, что по рождению они славянского народа (*τὸ μὲν ἔθνος ἐφασαν πεφικέναι Σκλαυηνοί*) и пришли от края Западного океана. Ведь трудно предположить, как бы смогли эти северяне, никогда, скорее всего, не бывавшие на Дунае, объяснить самодержцу ромеев, что он (sic!) их называет славянами, не зная они сами это имя!

Остается непонятным из работы Ф. Курты только одно: КАК византийцы смогли такого наизобретать, что у самой границы империи произошел взрыв славянского этногенеза. Каков был механизм этого воздействия из царственного Константинополя на население далекого пограничья? Путем пропагандирования среди варварской знати особого стиля правителя-бигмена, ставшего образцом для подражания славянских

²⁰ *Curta F.* The Making of the Slavs... P. 91, 92, 97.

²¹ *Ibid.* P. 114–115.

²² *Ibid.* P. 118.

²³ *Ibid.* P. 119. — Именно «изобретение», а не «открытие», как можно было ожидать! Английское слово *invention* происходит от латинского *inventio* («изобретение, изобретательность»), происходящего, в свою очередь, от глагола *invenire* («находить, открывать, придумывать»). Эти два значения («находить — открывать») сохраняются некоторое время за словами этого корня, но современные английские словари дают однозначно: *invent = create*. Например, *Macmillan English Dictionary* содержит следующее примечание к статье *INVENT*. If you are the first person to make a new type of..., you **invent** it. <...> If you are the first person to find, see or understand something, you **discover** it. <...> You cannot **invent** something if it already exists (*Macmillan English Dictionary*. Oxford, 2002, s.v.).

²⁴ *Op. cit.* P. 350.

вождей? Распространением названия *славяне* среди населения Балкан и варварских наемников? Импортом престижных пальчатых фибул из Херсона? Поддержанием дипломатическими методами статуса славянского языка как *lingua franca* среди населения Подунавья? Флорин Курта не дает ответа на эти вопросы, он никак не разрешает эту изобретенную им же самим проблему. Проблема для него оказывается важнее ее разрешения...

Summary

In general outline, F. Curta's conception can be reduced to the following. In the second half of the sixth century in barbarian communities situated on the left bank of the Lower Danube the processes of social stratification developed very intensively that brought to the rise of military leaders — big-men. The new system of values was formed around them. Among those who would be lately called «Slavs» especial significance was acquired by the markers of social status, namely silver female fibulae and other elements of female dress of the certain style. Women become «symbolic vehicles for the construction of social identity» (P. 309). It was that symbolic style and social competition that formed Slavic «Sclavinias».

Thus, political and social development was going on in parallel with ethnogenesis. It means that the mixed population was concentrated around centers of power, which «metaphorically cited» (imitated and copied) the prestige centers of their more powerful neighbors. Those, whom Byzantine authors have named «Slavs» were formed in Carpathian and Lower Danube Region under the influence of their neighbors, and did not migrate there from the north: «Archaeological culture do not migrate», Curta argues (P. 307). It is known, meanwhile, that migration is an extremely complicated problem in archaeology that cannot be described by one phrase (see Lev S. Klejn's detailed analysis of the problem). The idea of the «self-generation» of the Slavs in the Danube and Carpathian region and the negation of their migration can be considered to be the heart of Curta's conception and his main contribution to studies on the models of Slavic ethnogenesis. To Curta, instead of the Slavs themselves their language spread as *lingua franca* (P. 345) (however, there is not clear — from where?). But even the language has not played the important role in Slavic ethnogenesis: as Curta argues, «Slavs did not become Slavs because they spoke Slavic, but because they were called so by others», i.e. by the Byzantines (P. 346). The Slavs arisen in such a strange, almost magic, way were for some time the neighbors of the Empire, being partially under the authority of the Avar qagan, and limited their external activity to plundering raids on the Balkans. Slavs did not break the Byzantine limes on the Danube, but they also did not infiltrated peacefully through the system of forts. They came on the Balkans after the limes had been already destructed. In Curta's opinion, «“Sclavenes” was an umbrella-term for various groups living beyond the frontier» (P. 118). «What all this suggests, in my opinion, is that the name “Sclavene” was a purely Byzantine construct, designed to make sense of a complicated configuration of ethnics on the other side of the northern frontier of the Empire» (P. 118–119). «In its most strictly defined sense, however, the “Sclavene ethnicity” is a Byzantine invention» (P. 119). However, Curta's statement contradicts directly the well-known passage from Theophylact Simocatta, where it is described, how three barbarians-ambassadors met by the emperor Maurice's men near Tzurullum in c. 591, on the emperor's question of what was their nation and where they lived, answered, that they were Sclavenes by nation and that they lived at the boundary of the western Ocean.

Only one thing remains unclear from Curta's book: HOW could the Byzantines invent the Slavs? What was the mechanism of influence of this Constantinople armchair invention on the population of such a distant frontier region?